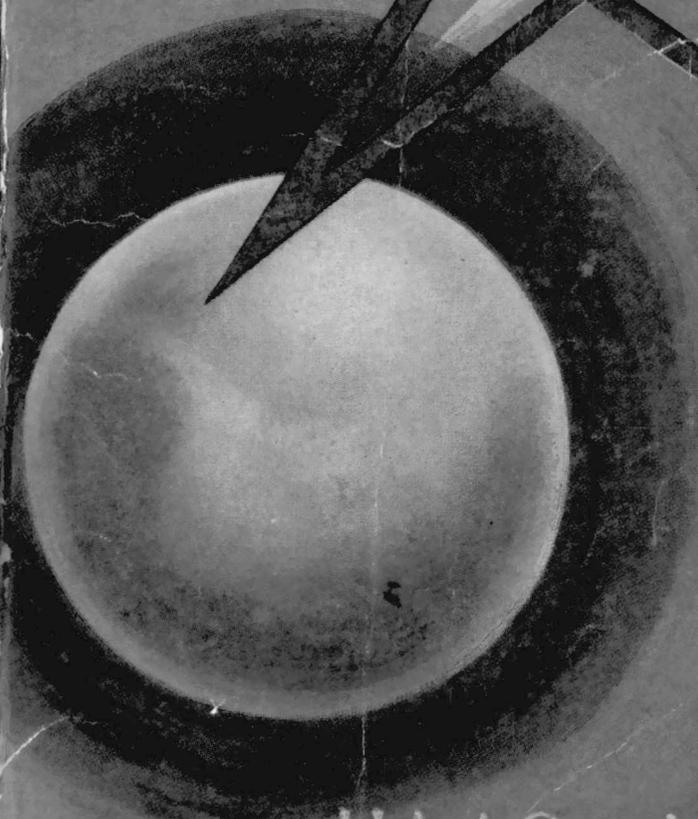

НОСТРАННАЯ

литература

1
1965

..НАДО МЕЧТАТЬ!
ЛЕНИ

Э. КАРХУ

ПРОТИВ ПРИЗРАКОВ ПРОШЛОГО

(Заметки о послевоенной
финской прозе)

В десятилетия назад, в сентябре 1944 года, на советско-финляндском фронте стихли последние оружейные раскаты. После долгих колебаний, убедившись в неминуемом поражении Гитлера, тогдашнее финляндское правительство вынуждено было поврать с фашистской Германией.

В истории Финляндии это крупная вежа, ставшая началом нового политического курса. По условиям договора о перемирии в Финляндии были распущены фашистские организации и восстановлены буржуазно-демократические свободы; вышли из тюрем тысячи политических заключенных, в том числе многие писатели и деятели культуры, была легализована деятельность коммунистической партии и демократических союзов. Начался новый этап борьбы за социальный прогресс, за демократизацию общественной и культурной жизни.

Одним из тяжелых последствий фашизма было то, что он нанес страшный удар по финской интеллигенции. Многие писатели и деятели культуры были окружены издательским бойкотом, как, например, талантливый прозаик Пентти Хаанпяя; другие

томились в изгнании, и среди них поэтесса Катри Вала, которую финская охранка не хотела оставить в покое даже в Швеции, где она умирала от туберкулеза; третьи были брошены в тюрьму, причем с началом войны число арестов резко возросло. Но дело не только в преследованиях и актах физической расправы, не только в том, что демократически настроенные писатели были обречены на вынужденное молчание. Более страшным было то, что часть финской интеллигенции духовно капитулировала перед фашизмом; не говоря уже о таких трубадурах войны, как Ууно Кайлас, слагавших гимны о будущем «походе на Восток», даже Олави Пааволайнен, побывав «в гостях в третьем рейхе», всерьез полагал, будто гитлеровские писаки представляли большую европейскую литературу.

Задавшись целью сломить сопротивление народных масс, финские фашисты во всем подражали гитлеровцам. В университетах запрещали читать Ромена Роллана и других писателей-гуманистов, изготовили многотомную историю мировой литературы, в которой Шелли объявлялся «большевиком»; в Финляндии появился свой «культ Укко», в подражание «культу Вотана», и даже свои «фюреры».

Отметим еще, что, стремясь искоренить демократические традиции и милитаризировать страну, финская реакция действовала заодно с клерикалами. Некоторые финские публицисты утверждают, что даже в средние века церковь в Финляндии не имела такой власти над людьми, как в тридцатые годы нашего столетия. С установившейся «модой на попов» сама литература, по остроумному замечанию Матти Курьенсари, стала напоминать «старинную пасторскую гостиную с плотно закрытыми двой-

ными рамами, где сидят опрятненькие старички и старушки, рассказывая друг другу семейные предания и сиюсья забыть о бущущей на дворе непогоде». Это был намек на чрезвычайное обилие псевдоисторических «развлекательных» романов — в ущерб роману социальному, который стал в ту пору редкостью в Финляндии. И когда в 1944 году, впервые после долгого перерыва, была поставлена «Семья пастора» Минны Кант, пьеса антиклерикального направления, она, по свидетельству одного из театральных рецензентов, показала удивительно смелой и современной, хотя была написана в XIX веке. Это было еще одним напоминанием о том, что в период разгула фашизма финская литература обеднела социально-критической мыслью.

И вот прошло двадцать послевоенных лет. Финляндия успешно развивает дружественные отношения с Советским Союзом. В Европе, кажется, не так уж много руководителей буржуазных государств, которые бы благосклонно относились к движению сторонников мира, поддерживали бы работу обществ дружбы с социалистическими странами, присутствовали бы на собраниях их членов, как это бывает в Финляндии.

Однако борьба с реакцией внутри страны не прекратилась. Реакция по-прежнему всячески стремится внушить финскому народу мысль о мнимой «угрозе с Востока», и, будь это в ее власти, она была бы непрочь перейти к тем же методам подавления демократических организаций, какие практиковались в Финляндии тридцатых годов.

В послевоенные годы перемены в какой-то мере затронули и финские университеты. Реакцию это приводит в крайнее раздражение. Одному преподавателю, выступившему недавно с объективной лекцией о политической истории страны, пришлось выдержать форменный допрос со стороны представителей правых партий. Для современных реакционеров зверское подавление революции 1918 года, разгул фашистского террора и прошлые авантюры финской военщины по-прежнему окружены ореолом святости, и в этом духе они хотели бы воспитать новые поколения. Профессор Р. Коскимес, известный реакционностью своих историко-литературных концепций, даже издал нечто вроде похвального слова бывшей фашистской женской организации «Лотта-свяд». При таких воспитателях не удивительно, что среди студентов, как стало известно из финской печати, есть молодые

люди, зачитывающиеся не только панегириком упомянутого профессора, но и писаниями Гитлера, Геббельса, Розенберга. В связи с рецидивами фашистской идеологии среди студенчества Йёрн Доннер, например, писал, что если так будет продолжаться и дальше, то «лет через пять студенты, пожалуй, снова будут маршировать на плацах, строить военные укрепления и проходить боевую подготовку», на что некий анонимный «консерватор» ответил, что в этом, с его точки зрения, и состоит задача. Так же понимают свою задачу авторы многочисленных романов и мемуаров, зараженных милитаристскими настроениями.

Поэтому внимание прогрессивных писателей к теме второй мировой войны следует расценивать как одно из важных проявлений наметившегося в послевоенной финской литературе поворота к социальной проблематике. Есть и другие симптомы этого поворота. Центральной темой современной финской прозы стала также революция 1918 года. Кроме трилогии Вяйне Линна «Здесь, под северной звездой», о которой мы уже писали для читателей «Иностранной литературы»*, можно назвать еще ряд романов на эту тему: «Выберешь ли ты бурю?» Айли Нурдгрэн, «Кровавая весна» Инто Каллио, «Кровь отцов» Лео Огрена, «События 1918 года» Вейо Мери, «Бабушка и Маннергейм» Пааво Ринтала. Финляндская революция 1918 года долгое время была окутана ложью белогвардейских мемуаров и реакционной историографии; подымая сейчас эту тему, финская проза как бы наверстывает упущенное, заново осмысливая всю «эпоху независимости», стремясь рассказать народу правду о прошлом.

Интересны конкурсы социального романа на современные темы, преимущественно о жизни рабочих, проводимые демократическим издательством «Кансанкултуури» («Народная культура») с целью привлечь новые писательские силы, особенно из рабочей среды. Учитывая, что в финской литературе преобладала и продолжает преобладать крестьянская тематика, появление книг о современном положении индустриальных рабочих и их борьбе за свои права весьма симптоматично.

Наконец, свидетельством возрастающего интереса к социальным проблемам может служить и то, что в последнее время в Финляндии все чаще говорят о кризисе модер-

* См. № 3 за 1964 год.

низма: если еще лет десять назад многие критики с восторгом писали о его «прорыве» в финскую поэзию и даже видели в нем некий вызов «конформистской» национал-шовинистической идеологии, то сейчас сами сторонники «новой школы» всерьез обеспокоены ее творческой немощью, а некоторые из них, отчасти оставаясь еще в плену модернистской эстетики, в то же время заметно влево в своих политических взглядах и ищут пути сближения литературы с жизнью. В частности, такую цель ставит перед собой возникший в 1964 году журнал «Айкалайнен» («Современник»).

И все же именно антивоенная тема стала для писателей разных поколений как бы пробным камнем, на котором определяется их позиция в современной общественной борьбе. Причем в последнее время к этой теме обращаются молодые авторы, которые во время войны были детьми и представляют себе то время скорее по рассказам старших, нежели по личным впечатлениям.

Война отрезвила кое-кого из тех финских писателей, которые прежде заблуждались относительно фашизма. Опубликованный в 1946 году военный дневник О. Пааволайнена под названием «Мрачный монолог», написанный с присущим автору публицистическим блеском, наполненный горькой самоиронией и саркастическими характеристиками «духовных вождей» тогдашней Финляндии, на многих произвел впечатление разорвавшейся бомбы и получил «большую прессу». Реакционные круги обрушились на автора с яростными нападками, именуя его «предателем» и требуя чуть ли не расправы над ним — совсем в духе финской реакции тридцатых годов. Впрочем, было и чему удивляться: ведь Пааволайнен был не из тех, кого за политическую неблагонадежность упрятали на время войны в тюрьму. Напротив, в качестве летописца оккупационной армии он должен был прославлять ее «освободительную миссию». А в то же время в дневнике «для себя» отмечал, что простой финский крестьянин считал войну войной «господ». В дневнике, наедине с самим собой, он предавался мрачным думам о своей причастности к неправому делу, порвать с которым у него не хватало, однако, сил.

В предисловии к книге О. Пааволайнен писал: «Моя критика направлена против той идеологической ориентации, которая господствовала у нас во время войны и задолго до нее. Меня, возможно, обвинят в том, что

я выношу сор из избы и сосредоточиваю внимание почти исключительно на совершенных нами ошибках и глупостях. Однако самокритика — первое условие развития». Желанием предостеречь финский народ от повторных «глупостей» праникнуто и стихотворение Пааволайнена «Мост», с которым он за год до своей смерти выступил перед финскими сторонниками мира: «Через моря и горы вознесся гигантский мост... И однажды явится по нему новое племя — прекраснее нас и разумнее нас. От берега к берегу, от страны к стране мы строим для него мост». Этот призыв к гуманизму и единению людей стал итогом сложного жизненного опыта писателя, скончавшегося в июле 1964 года.

Среди первых книг о второй мировой войне была повесть Пентти Хаанпяя «Сапоги девяти солдат» (1945), которая относится к числу наиболее талантливых произведений послевоенной финской литературы.

Еще в начале войны Хаанпяя написал цикл рассказов. В сознании автора война рождала предельно мрачные ассоциации. Герою рассказа «В блиндаже» дробные пулеметные очереди в морозной ночи кажутся стрекотом огромной швейной машины, на которой «человечество что-то старательно шьет для себя», а именно саван — это страшное слово в таком всеобъемлющем приложении не вдруг можно было и вымолвить.

Цикл открывался рассказом «Солдат пашет». Где-то в прифронтовой полосе, на сожженном и заброшенном хуторе шагает за плугом солдат; поле на редкость каменистое, многие поколения пахарей расчищали его, по краям выросли настоящие каменные ограды, но и на долю солдата осталась еще уйма камней, ему приходится объезжать их, а когда плуг все же ударяется со скрежетом о твердь, солдат громко чертыхается. Но на душе у него легко — наконец-то он дорвался до настоящей крестьянской работы! Он готов именно так «воевать с землей», с этим каменистым полем, а не ради непонятого ему «жизненного пространства». Вокруг еще гремит война, от гула пролетающего самолета вздрагивают кони, земля изрыта воронками от бомб. И все-таки плуг, этот символ труда и созидания, оставляет на земле более прочный след, чем бомба. Среди груды ржавых противоголовок и прочего военного хлама солдат видит залатанный детский ботинок, а рядом лежит ручной жернов, дальше —

Э. КАРХУ
ПРОТИВ ПРИЗРАКОВ ПРОШЛОГО

лемех от сохи, и по этим маленьким предметам, оставшимся от бывшего крестьянского хозяйства, солдат читает не историю смерти и разрушения, а историю жизни — неистребимой и не исчезающей бесследно.

В повести «Сапоги девяти солдат» Хаанпя все, что связано с войной, изображено автором в подчеркнuto юмористическом, подчас гротескно-комедийном плане, чему способствует и остроумная фабула: это история пары армейских сапог и девяти ее владельцев, с которыми происходят неожиданные, чаще всего забавные приключения.

В отличие от В. Линна* П. Ринтала, В. Мери, нередко описывающих непосредственные боевые действия, Хаанпя в этой повести менее всего интересуется батальная сторона войны; приключения его героев совсем иного рода. Фельдфебель Соро, получив со склада новые сапоги и самовольно нацепив офицерские погоны, едет в отпуск к «чужой Катарине»; следующий владелец сапог, лейтенант Йоппери, несмотря на обещанную начальством «молниеносную войну», успел основательно поистрепать их и обовшивить, прежде чем получил свой отпуск и поехал к матери в деревню, куда та, истая горожанка, вынуждена была перебраться из-за трудностей городской жизни; пьяный капрал Корппи, все в тех же сапогах, неожиданно для себя оказывается гостем богатой «дамы далеко не первой молодости», но желающей «хоть чем-нибудь помочь отечеству» и «утешить свой народ»; солдат Ахвен едет спасать своих голодных детей; «трудармейца» Юхани Норппу по его политической неблагонадежности вообще не пускают на фронт, и армейские сапоги ему по закону даже не положены — они достаются ему только по доброте знакомого сапожника; солдат Яара сражается сутками напролет за карточным столом, откупаясь от дежурств выигранными деньгами; совершенно огулев от такой жизни, он сходит с ума, срывает с ног сапоги, швыряет их на обочину дороги и идет босиком — теперь уже к дому, потому что русские перешли в наступление и войне скоро конец. Сапоги, совсем прохудившиеся, подобрал солдат Вяйне Лехто. В них он и вернулся домой, на свой хутор, и обнаружил, что, пока он «завоевывал новые земли, занимал стратегические рубежи и проводил мечом границу», его поля заболотились, канавы зарос-

ли. И вот теперь Лехто берется за лопату. «Канавы расчищались. На нее любо было посмотреть. Вода хлопала в сапогах, и Лехто пояснил проходившему мимо соседу, что сапогам как-то непривычно, они первый раз на настоящей работе — зарабатывают хлеб...» В таком духе о войне можно было писать только после ее окончания и только такому автору, который считал политику финских милитаристов авантюристической. Здесь сказалась близость Хаанпя к социалистическим идеям, его давний интерес к Советскому Союзу, в победе которого он не усматривал никакой угрозы трудовому народу Финляндии.

Начатая Хаанпя тема (он погиб в 1955 году, утонув в озере) находит продолжение в творчестве других финских писателей. Она звучит в романе Хейкки Лоуная «Возвращение журавлей» и в его же рассказе «Возвращение человека», в котором есть примечательная сцена. Тяжело раненый капрал долго пролежал в госпитале. А теперь на дворе капель, скоро ледоход, и, выздоровев, капрал торопится на сплав, где он работал до войны. Доктор говорит ему: «Но прогул-то у вас, кажется, немалый получился — и фронт, и госпиталь...» — на что капрал отвечает: «Да, немало побездельничал, четыре года». С точки зрения простых людей, война — это «не настоящая работа», как сказал бы Пентти Хаанпя.

В творчестве Хаанпя, как и некоторых писателей-коммунистов (например, в сатирической повести Кайсы-Мирьям Рюдберг «Луна» или в поэзии Армаса Эйкия), война и фашизм осуждаются с позиций активного гуманизма, в основе которого лежит вера в нравственное здоровье народа, в его способность превозмочь временные заблуждения и обуздать темные социальные силы. В книгах других финских авторов война нередко предстает как трагическая кульминация роковой «неразумности» истории, в лучшем случае войне противопоставляются пацифистские иллюзии, не выдерживающие столкновения с реальностью. Герой оказывается пассивной жертвой, он одинок и беспомощен, в его поступках нет действенной социальной устремленности, ибо мир представляется ему всеобщим хаосом.

Особенно четко это различие мировоззрений проявляется тогда, когда писатели повествуют о «лесогвардейцах» — так в Финляндии называют лиц, уклонявшихся во время войны от призыва в армию и скрывавшихся в лесах. Три года назад с рома-

* С романе В. Линна «Неизвестный солдат» см. статью Э. Карху в «Иностранной литературе» № 3 за 1964 год.

ном «Дезертир» выступила Хелви Хямяляйнен, писательница сложная, не чуждая модернистских увлечений. В отличие, скажем, от рассказа П. Хаанпяя «Война Лесной Аапели», герой которого является сознательным противником захватнической войны («Моя война в том, чтобы не воевать, и в этой войне я готов отдать даже свою жизнь»), дезертирство Эрkki в романе Хелви Хямяляйнен не вызвано какими-либо принципиальными мотивами. Эрkki — человек с болезненной психикой, еще до войны, у себя на тихом хуторе, он постоянно чего-то боялся, а на фронте при виде убитых и раненых его бросает в холодный пот. Страх заставляет его два года скрываться в лесу, и этот же страх — и перед людьми и перед богом (жена родила Эрkki мертвого ребенка, в чем он видит божью кару) — вынуждает его затем открыться властям и покорно отправиться в тюрьму. В этот сюжет, в котором социальный момент явно ослаблен и в котором на первый план выступают психопатологические мотивы, писательница пытается вместить свое неприятие войны, прибегая к контрастной символике. В начале романа, где описывается жизнь глухой деревни в период относительного затишья на фронте, когда многие мужчины находятся в продолжительных отпусках и заняты обычными крестьянскими хлопотами, автор многократно обыгрывает символический образ «зеленого дождя» как олицетворение буйного расцвета весенней природы. Но вскоре к этому ликованию жизни, к свежести зелени и ароматам цветов примешиваются ядовитые запахи тления. От необычайного зноя все гниет и разлагается: молоко прокисает уже чуть ли не в вымени коровы, рыба тухнет в руках рыбака, тучами роятся жирные мухи, и все пронизывает сладковатый трупный смрад — в деревню бесконечным потоком везут останки убитых на фронте, где затишье сменялось жестокими боями. Мужчины идут на фронт, как на плаху; идут навстречу смерти, будучи не в силах последовать примеру Эрkki, хотя многие из них не могут и осудить его.

Неопределенность нравственных оценок сказывается и в романе Вейо Мери «Квиты» (1961). Мери, один из самых талантливых писателей молодого поколения (он родился в 1928 году), хорошо известен в Финляндии, а отчасти и за рубежом. Недавно ему была присуждена премия Силланпяя.

По сравнению с «Дезертиром» роман Мери написан более реалистично. Герой его не

испытывает укор совести за свой уход с фронта, он и армия — «квиты», но оправдание своего поступка у него основано не на внутренней убежденности, а, скорее, на личной обиде. Во время отступления финских войск сержанта Лаури Ояла вместе с группой солдат обещали переправить через реку, но лодка так и не пришла. Ояла долго блуждает среди отступающих частей, встречается с обезумевшим майором, слышит разговоры о катастрофически возросшем числе «самострелов» и, наконец, добирается до своего хутора. В течение двух месяцев он трудится на своих полях, а когда власти арестовывают его, на допросе держится с вызовом, утверждая, что никакой вины за собой не чувствует. Но это не мешает ему после помилования снова воевать — ведь за свою обиду он уже «расквитался», и у обеих сторон нет больше взаимных претензий. Подобно Эрkki из романа Хелви Хямяляйнен, Лаури Ояла остается индивидуалистом и таится даже от семьи и невесты, тогда как Лесной Аапели, из рассказа Хаанпяя, идет к единомышленникам, к товарищам, которые обязательно его поймут. «Братья! — мысленно сказал себе Лесной Аапели. — Вас им не удалось заполнить, и меня они не заполнят...»

Стоит подробнее остановиться на романе Пааво Ринтала «Лейтенант рейдовой группы» (1963), вокруг которого в Финляндии разгорелись большие споры. Заметим, что Ринтала пишет очень много, это десятая его книга за последние десять лет, а автору нет еще и тридцати пяти. На некоторых его книгах лежит печать явной торопливости, отдельные куски написаны ниже возможностей его таланта. Быть может, виновато в этом трудное материальное положение писателей в Финляндии. Недавно журнал «Парнас» писал, что писатель может прокормить семью, только если он издает по роману в год и тиражом не менее десяти тысяч экземпляров (в Финляндии это тираж примерно в два раза выше среднего).

«Лейтенант рейдовой группы» самая сильная и самая цельная книга Пааво Ринтала.

Ринтала написал роман о новом «потерянном поколении» — не случайно в одной из глав его герои ведут беседу о романе «Прощай, оружие!» Хемингуэя. Надо сказать, что в финскую литературу тема «потерянного поколения» пришла с «запозданием» —

Э. КАРХУ
ПРОТИВ ПРИЗРАКОВ ПРОШЛОГО

не после первой мировой войны, которая обошла Финляндию стороной, а только после второй, причем наиболее отчетливо она впервые прозвучала именно у Ринтала.

Лейтенант Эррки Такала, от лица которого ведется повествование, молод, ему двадцать три года. Незадолго до войны он поступил на богословский факультет университета и готовился стать священником, а теперь командует группой солдат, предназначенной для особо опасных заданий.

Группа лейтенанта Такала — это, так сказать, «цвет» финской армии. Но ее точит глубокая нравственная болезнь, художественному исследованию которой и посвящен роман. Он начинается с того, что при возвращении из рейда один из солдат сходит с ума, пытается стрелять по своим и в иступлении кричит, что все они убийцы. Лейтенант Такала, чуть не погибший от автоматной очереди обезумевшего, по существу согласен с ним, и в беседе с военным пастором Рааккуланмяки сам говорит, что он и его солдаты — это профессиональные наемные убийцы. «Мы знаем, что рано или поздно нас пристрелят. А пока мы живы, наши работодатели позаботятся о том, чтобы нам жилось как можно лучше. Это входит в наш договор по найму, а ведь подобного положения человеку моего круга не добиться ни в одном мирном обществе, какой бы режим там ни господствовал. Мне позволено почти все, лишь бы я соблюдал одно условие: не стрелять в своих. Иных ограничений моей свободы не существует. Мы — узаконенные и признанные убийцы».

Лейтенант жалуется на усталость и подвержен галлюцинациям. Обезумевшему солдату являлись «белые ангелы», а перед взором лейтенанта неотступно стоят освещенные закатным солнцем стволы сосен, и эта поэтическая, казалось бы, картина имеет для него зловещий смысл: стоя за этими соснами, он не раз выслеживал свою жертву («Когда человек болен, для него нет ничего страшнее сосен на закате»).

Лейтенант Такала судорожно цепляется за слабое, но единственное для него утешение: оправдать свое участие в массовом убийстве людей личным риском, в любой миг он может быть убит и тем самым искупит свою вину. Только это может предложить лейтенант и своему другу пастору. В отличие от собратьев пастор не хочет внушать солдатам фанатическую ненависть к русским, он «иной лютеранин», и у него

«иной бог», чем у его коллег. Но сам пастор Рааккуланмяки жестоко бичует себя за то, что и он предал слово божье. В своей должности он представитель кого угодно и чего угодно — военачальников, государства, дьявола, но только не бога. «Бога, — говорит он, — я потряс за ворот и подчинил командиру дивизии». Пастора сжигает стыд, ему хотелось бы обратиться к солдатам с совсем иными речами, но он боится, что его никто не примет всерьез. И, чтобы облегчить его состояние, лейтенант предлагает ему участвовать в штурме высоты, то есть подвергнуть себя непосредственной опасности, оставаясь к тому же безоружным. Лейтенанту кажется, что после столь самоотверженной демонстрации пацифизма солдаты будут смотреть на пастора иными глазами. Пастор погибает, солдаты-пехотинцы в недоумении разглядывают его труп, так и не поняв его намерений («почему?», «зачем?»), и лейтенант, в бессильной ярости накричав «на этих свиней», спешит напиться...

Война несовместима с разумом — эта предпосылка лежит в основе художественной концепции романа, системы его образов. Лейтенант говорит, что во время рейдов, когда все в нем подчинено одной цели — убить, у него такое впечатление, будто он перенесся «в доисторическую эпоху, когда люди обитали на деревьях, цепляясь хвостом либо рукой за ветви». А по возвращении домой на отдых, продолжает лейтенант, он чувствует себя «ребенком среди взрослых». Ведь дома от него, только что убивавшего без всякой жалости, ожидают вежливости, соблюдения приличий, благопристойного отношения к женщине и прочих атрибутов цивилизованного человека. Словом, от него требуют нового перевоплощения, но он не хочет перевоплощаться и остается «ребенком среди взрослых», двойственную мораль которых глубоко презирает. Продолжая по инерции пребывать в «доисторической эпохе», лейтенант Такала грозит пистолетом майору-интенданту и бьет его по лицу, чтобы получить шоколад и кофе, приберегаемые для высшего начальства. Дикарь, не вышедший из полуживотного состояния, он соответственно ведет себя с «лоттами» — впрочем, в этом случае лейтенанту уже нет нужды прибегать к насилию: это исключают нравы его спутниц.

Ринтала часто использует резко контрастные детали; натуралистические сцены соседствуют в его книге с проникновенным лиризмом. Притаившись за пнем в ожида-

нии назначенного часа атаки и спасаясь от запаха разлагающихся трупов наспех сделанной ватной маской, лейтенант зачарован первыми приметями пробуждающегося летнего утра и вспоминает о таких же ранних часах, проведенных им когда-то в деревне. Тоска по человечности и сознание невозможности начать жизнь сызнова — эта тема достигает своей кульминации в сцене, когда лейтенант со своей группой наблюдает из засады за двумя приближающимися к ним в лодке советскими девушками. Девушки охраняют мост, а в свободные часы ловят рыбу на озере. При виде девушек на лейтенанта снова нахлынули мысли о прерванной юности, о том, что он так и не успел познать целомудренную и чистую любовь — ее «опередила» война. И вот одна из девушек, перебирая перемет, словно протягивает ему навстречу руки, лодка подходит все ближе, лейтенант и взволнован этим зрелищем, и в то же время знает, что, если девушки обнаружат группу, он отдаст приказ уничтожить их. Даже если он побежит навстречу лодке, между ними и им все равно останется пропасть, потому что «в этой стороне, на этих широтах, на берегах этих озер» для него нет жизни и духовного возрождения. Но где его приют, лейтенант и сам не знает, все, что он может — воскликнуть без надежды на ответ: «Слышишь, жизнь, — где цветут твои побеги на этой земле?»

В этой драматической сцене явственно обнаруживается ограниченность политического мышления героя, еще более резко проявившаяся в заключительных главах. Продолжая ненавидеть тыловых «толстосумов» и высшие военные чины, лейтенант Такала и его солдаты верят, однако, что наступление советских войск летом 1944 года якобы заключало в себе некую угрозу не только финскому милитаризму, но и финскому народу. Героям романа кажется крайне подозрительным приказ о прекращении огня, и на последней странице книги саркастический монолог лейтенанта Такала о том, что они, убийцы, еще понадобятся — если не сейчас, то через двадцать лет — напоминает бред больного. Война совершенно раздавила его, вытравив из него все человеческое, к мирной жизни он уже не пригоден. Не случайно в одной из предшествующих сцен лейтенант говорит, что после войны он будет жить либо в пансионате, либо в доме умалишенных — в обоих случаях отрешенный от мира.

Роман Ринтала о «потерянном поколении» вместе с тем повествует о разбуженной совести, бунтующей против бесчеловечных милитаристских «идеалов». Размышляя над поощрительными призывами начальства и впредь, убивая людей, «служить отечеству», лейтенант Такала понимает, что для этого он должен многое убить в самом себе: «Я должен не слышать того, что говорят рядом, не видеть того, что творится вокруг... Но как я смогу сделать это, господин генерал?..»

Видимо, П. Ринтала и не подозревал, что на этот мысленный вопрос его героя возьмутся ответить вполне реальные генералы. Вскоре после появления романа с открытым письмом в адрес издательства, опубликовавшего книгу, выступили в печати сорок финских генералов. Они с жаром встали на защиту обиженных автором романа «лотт», чтобы заверить их от имени «отечества», что оно будет «вечно благодарно» этой фашистской организации. Возмущаясь самим появлением книги П. Ринтала и строго выговаривая издательству, генералы дали недвусмысленный «ответ» на вопрос лейтенанта Такала: чтобы исправно «служить отечеству» и не смущать свою совесть сомнениями, нужно прежде всего запретить издание подобных книг.

Памятуя о печальных для финской культуры временах, когда ею командовали люди с военной выправкой и безудержным желанием «запрещать», прогрессивные финские писатели и деятели культуры дружно выступили с коллективным контрпротестом против нового посягательства генералов.

В послевоенной Финляндии бытует довольно распространенный термин — «национальная терапия», под которым подразумевают многообразную деятельность демократических сил, направленную на духовное исцеление тех, кто был в свое время заражен реакционной военно-фашистской идеологией и над кем все еще властны призраки прошлого. Одним из эффектных средств такой «терапии» являются талантливые произведения финских писателей, обращающихся к антивоенной теме. Книги, о которых мы говорили, не всегда бесспорны по своей идейно-художественной концепции, однако сегодня в Финляндии они несомненно играют важную роль. В борьбе с реакцией участвует и демократическая финская литература.

